

ДЭВИД

ГРИН

Возвращение
в гражданское
общество

социальное
обеспечение
без участия
государства

Книга английского историка и политолога Дэвида Грина «Возвращение в гражданское общество» посвящена одной из самых дискуссионных проблем либеральной теории — функционированию системы социального обеспечения без участия государства. Детально рассматривая историю английских обществ взаимопомощи, Грин доказывает, что «государство всеобщего благосостояния» выполняет свои социальные обязательства куда менее эффективно, чем конкурентная система социального обеспечения, существовавшая в XIX веке в рамках гражданского капитализма, который сочетал экономические свободы с индивидуальной ответственностью и гражданской активностью.

Дэвид Грин

**Возвращение в гражданское
общество. Социальное
обеспечение без
участия государства**

«Новое издательство»

1993

Грин Д.

Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства / Д. Грин — «Новое издательство», 1993

Книга английского историка и политолога Дэвида Грина «Возвращение в гражданское общество» посвящена одной из самых дискуссионных проблем либеральной теории – функционированию системы социального обеспечения без участия государства. Детально рассматривая историю английских обществ взаимопомощи, Грин доказывает, что «государство всеобщего благосостояния» выполняет свои социальные обязательства куда менее эффективно, чем конкурентная система социального обеспечения, существовавшая в XIX веке в рамках «гражданственного капитализма», который сочетал экономические свободы с индивидуальной ответственностью и гражданской активностью. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

© Грин Д., 1993

© Новое издательство, 1993

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
От автора	8
Предисловие	9
Введение	11
Часть I	14
Глава 1	14
Суть свободы	14
Наследие Средневековья	15
Практические проблемы, заботившие либералов в XVII веке	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дэвид Дж. Грин

Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства

Предисловие к русскому изданию

Книга Дэвида Грина посвящена очень важной теме. Рассказанная им история – это история о том, как благодаря свободе и доброй воле самые обычные люди самоорганизуются для решения своих проблем. Это история о людях с гражданской позицией, не желающих вести себя пассивно, как предпочло бы большинство политических лидеров.

Почти двадцать лет назад я попросил доктора Грина – видного британского историка и политолога, раскрывшего в нескольких новаторских научных трудах историю ассоциаций взаимопомощи в Британии и Австралии, – написать монографию о возможностях возникновения гражданского общества в странах, пострадавших от многих десятилетий тоталитаризма – фашистского, национал-социалистического и коммунистического. Результатом стала книга, которую вы сейчас держите в руках. Она была распространена небольшим тиражом в Центральной и Восточной Европе, а затем опубликована на английском в Великобритании. Пригорбно, что ее выхода на русском языке пришлось ждать так долго, но книга по-прежнему актуальна – пусть Москва и Петербург процветают, в гигантской России, как и в других странах, будь то США, Британия и Китай, существует немало социальных проблем, которые не решишь указаниями из Центра. Странам бывшего СССР необходимо гражданское общество – нравится оно их политическим лидерам или нет. И создать его могут только сами люди – а не их правительства или иностранцы.

Гражданское общество возникает тогда, когда люди берут на себя ответственность – в первую очередь за свою собственную судьбу, но также и за решение проблем, которые они видят вокруг, – и создают объединения индивидов, помогающих друг другу, а значит, уверенных, что в случае нужды им самим тоже помогут. Грин сосредоточивает внимание на деятельности так называемых «обществ взаимопомощи», которая придавала британскому обществу силу и энергию.

Общества взаимопомощи представляли собой самоуправляющиеся ассоциации по оказанию материальной поддержки своим членам, создававшиеся работниками физического труда, чтобы пережить трудные времена. Их философские установки резко отличались от принципа филантропии, на котором основана благотворительность. Это были не группы людей, объединившихся для помощи другим группам, а ассоциации индивидов, взявших на себя обязательство в случае необходимости помогать друг другу.

По количеству членов и влиянию эти ассоциации намного превосходили куда более известное профсоюзное движение. В Великобритании в них входили миллионы рабочих. Темпы роста числа участников таких организаций просто поражают. Если в 1877 году только зарегистрированные общества (а было еще много незарегистрированных, но действовавших не менее активно) объединяли 2 750 000 взрослых членов, то в 1887-м – уже 3 600 000, в 1897-м – 4 800 000, а к 1910 году, накануне того, как британское правительство предприняло

шаги, подорвавшие организации взаимопомощи (о чем на основе архивных документов рассказывает Грин), в составе зарегистрированных обществ насчитывалось 6 600 000 человек. Именно они создали инфраструктуру медицинского обслуживания в Британии – позднее она была национализирована правительством социалистов и преобразована в забюрократизированную и безликую Национальную службу здравоохранения. Мораль этой истории лучше всего подытожил великий британский ученый-правовед А.В. Дэйси, отметивший: «Государственная помощь губит самопомощь»¹. И тем самым она на корню душит демократию, поскольку приоритетная роль государства превращает активных граждан в пассивное «население» – население, ждущее действий от государства, а не реализующее свою свободу и решающее проблемы самостоятельно, с помощью собственного интеллекта, энергии и неравнодушия.

Общества взаимопомощи представляют собой, пожалуй, наименее известное из всех масштабных общественных движений. По мере того как устранялись или снижались барьеры, препятствовавшие свободному объединению граждан, они бурно развивались во многих странах – не только в Британии, но и в континентальной Европе, Азии, Северной и Южной Америке. Позднее эти общества сошли на нет либо из-за конкуренции коммерческих структур, предлагавших клиентам более выгодные условия страхования (кстати, некоторые организации взаимопомощи тоже преобразовались в страховые компании), либо из-за того, что их вытеснило «государство всеобщего благосостояния»². Добровольно создававшиеся общества взаимопомощи объединяли не только высококвалифицированных, но и неквалифицированных рабочих, а также бедняков³. В Соединенных Штатах, как показывает историк Дэвид Бейто в своем исследовании «От взаимопомощи к „социальному государству“: общественные организации и социальное обеспечение, 1890–1967», в деятельности обществ взаимопомощи активно участвовали иммигрантские общины (имена этих обществ носят немало зданий в американских городах – первоначально они сооружались для проведения собраний лож, но сегодня мало кто помнит, с чем связаны их названия). «Законы о чернокожих» и иные расовые ограничения систематически исключали афроамериканцев из системы социального обеспечения и не позволяли им улучшать свое общественное и материальное положение, а потому они создали целый ряд обществ взаимопомощи, многие из которых – например, Объединенный орден дружбы (United Order of Friendship) и «Рыцари горы Табор» (Knights of Tabor) – заложили основу движения за гражданские права⁴.

Могу также поделиться личным опытом. В небольшом городке, где живут мой брат и невестка, семьи под эгидой местной Организации родителей и учителей соорудили и оборудовали детскую площадку, где могут в безопасности играть ребята, живущие в ближайших домах. Для этого не пришлось тратить деньги налогоплательщиков: необходимые материалы бесплатно предоставили местные фирмы, а всю работу выполнили сами соседи, хотевшие, чтобы у их детей было место, где они могут играть спокойно.

¹ Dicey A. V. Lectures on the Relation between Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century. Indianapolis: Liberty Fund, 2008. P. 182.

² В своем труде «Пациенты-рабочие и медицинский истеблишмент» Грин подчеркивает особую роль, которую сыграл профсоюз медиков в принятии Закона об общенациональном страховании в 1911 году, в результате чего вместо конкурентного рынка медицинских услуг, сложившегося благодаря наличию многочисленных рабочих обществ взаимопомощи, возникла монополия, контролируемая профессиональными организациями врачей и их политическими союзниками. После этого, констатирует Грин, «добиваться повышения платы за медицинские услуги стало гораздо легче, чем в условиях рынка» (*Green D. Working Class Patients and the Medical Establishment*. N.Y.: St. Martin's Press, 1985. P. 115). Врачи использовали государство, чтобы обеспечить себе более высокие, по сравнению с рыночными, гонорары. Другим результатом Закона стало отмирание обществ взаимопомощи, поскольку рабочим теперь приходилось дважды платить за доступ к одним и тем же медицинским услугам – своему обществу или его медицинскому учреждению, а затем еще и государству.

³ См.: *Green D. Op. cit.* P. 89–106.

⁴ *Beito D. From Mutual Aid to the Welfare State: Fraternal Societies and Social Services, 1890–1967*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000. P. 181–203.

Общества взаимопомощи создаются и в сфере образования – особенно в тех случаях, когда государство явно не способно обеспечить его на качественном уровне. Британский ученый Джеймс Тули, изучающий общественные инициативы в области школьного образования в разных странах мира, выяснил, что в Индии, Китае, Африке и Латинской Америке многие школы действуют на коммерческой основе, в том числе и в рамках организаций взаимопомощи – семьи помогают друг другу дать детям образование, что поодиночке они бы сделать не смогли. В разных странах мира родители нередко объединяются для этой цели – каждая семья вносит посильный вклад в общее дело. Мои друзья – высококвалифицированные математики, писатели, журналисты, специалисты по естественным наукам – совместными усилиями обучают своих детей, понимая, что именно в этих дисциплинах государственная система образования особенно слаба.

Во многих странах семьи объединяются в ассоциации, помогающие участникам, у которых возникли проблемы с законом – заслуженно или безвинно, – и отслеживающие условия содержания заключенных. Они помогают друг другу, но эта деятельность полезна и для всего общества, поскольку она обеспечивает соблюдение должных стандартов пенитенциарной системы и не позволяет нарушать права беспомощных заключенных.

Я привел лишь несколько примеров того, как гражданское общество решает социальные проблемы. Другие организации помогают людям избежать экономических бедствий и сохранить крышу над головой, отстаивают их права собственности перед лицом политически влиятельных групповых интересов или оберегают их от потенциально опасных соблазнов – пьянства, наркомании, чрезмерного увлечения азартными играми. Некоторые ассоциации занимаются пропагандой искусства, оказывают финансовую поддержку музеям и театрам или помогают людям начать собственное дело. Целей, которые можно реализовать посредством взаимопомощи, бесчисленное множество. Это универсальный инструмент мобилизации сил, заложенных в обществе. Взаимопомощь делает общество более прочным, дает ему возможность успешнее противостоять тирании, когда та угрожает заменить социальное сотрудничество насилием над личностью, многообразие – однопартийностью, а активность и самостоятельность – пассивностью и зависимостью.

Книга Дэвида Грина – не набор готовых рецептов и не пособие по социальным реформам. Однако автор с фактами в руках дает представление о том, чего можно достичь, когда люди перестают полагаться на Большого брата и начинают сами заботиться о себе, своих семьях, друзьях и соседях, совместными усилиями решая проблемы и совершенствуя общество. «Возвращение в гражданское общество» – важная и весьма актуальная для русскоязычного читателя книга.

Том Палмер,

вице-президент Фонда экономических исследований Atlas

От автора

В этой книге отразились десять лет моих дискуссий с Артуром Селдоном и Ральфом Харрисом, щедро делившимися со мной своими идеями. Многолетняя поддержка Артура Селдона для меня просто неоценима, а Ральф Харрис высказал необычайно полезные и детальные комментарии по поводу рукописи, что позволило значительно улучшить ее окончательный вариант. Я также благодарен коллегам по Институту экономических проблем (ИЭП) Джону Бланделлу и Колину Робинсону за весьма полезные критические замечания к ее первому варианту.

В качестве ассистентов-исследователей мне очень помогли Дэвид Лукас, заместитель заведующего сектором здравоохранения и соцобеспечения ИЭП, и Гур Хиршберг, стажировавшийся в институте летом 1993 года. Я также получил необычайно ценные замечания от членов Консультативного совета при секторе здравоохранения и соцобеспечения ИЭП, особенно от Питера Сондерса, Боба Линкера, Тома Гриффина, Джорджа Тилинг-Смита, Йона Дэвиса, Майкла Бизли, Нормана Бэрри, Питера Коллисона, сэра Реджинальда Мерли и Макса Хартвелла. Мне очень повезло, что я мог всегда рассчитывать на советы таких высококлассных специалистов. Я также благодарен Тому Палмеру из Института гуманитарных исследований: именно его просьба подготовить доклад в рамках Программы сотрудничества со странами Восточной Европы побудила меня к написанию этой книги, а затем он высказал весьма ценные критические замечания к одному из ее первых вариантов.

Особо необходимо упомянуть о помощи, которую оказали мне двое моих друзей, Норман Деннис и Майкл Новак. Меня необычайно обогащают наши многочасовые беседы с Норманом Деннисом – обычно декорациями для них служат живописные холмы Англии. Майкл Новак в последние четыре года стал частым гостем в ИЭП. Я очень многому у него научился и особенно благодарен ему за предложения, которые он сделал, когда работал в нашем институте в качестве приглашенного исследователя, и которые позволили существенно улучшить мою книгу. Естественно, все ошибки, упущения и недочеты, которые вы в ней найдете, целиком и полностью остаются на моей совести.

Наконец, я хотел бы выразить искреннюю признательность Благотворительному фонду Эсме Фэрбейрн (Esmée Fairbairn Charitable Trust) за великодушную финансовую поддержку трехлетней программы исследований, которые были необходимы для работы над этой книгой.

Предисловие

Работа над книгой началась с попытки выяснить, какие уроки могли бы извлечь бывшие коммунистические страны Восточной Европы из западного опыта в сфере негосударственного социального обеспечения. Однако уже вскоре в ходе исследования стало очевидно, что на Западе общественным организациям нанесен почти такой же ущерб, как и в коммунистических государствах, только не в рамках целенаправленных усилий по созданию общества, где массами управляет элита, а в результате неизбежного «вытесняющего» воздействия «государства всеобщего благосостояния». Сужая возможности людей оказывать помощь другим из идеалистических побуждений, «государство всеобщего благосостояния» подорвало ощущение личной ответственности и наличия у людей обязательств друг перед другом – ощущения, на котором основывается активное гражданское общество.

Когда я начал размышлять над способами, которые позволили бы нам вдохнуть новую энергию в некогда богатую и разнообразную жизнь наших общественных и местных объединений, мне стало ясно, что экономическая философия, получившая преобладание в 1980-х, не содержит интеллектуальных инструментов, подходящих для решения этой задачи. С особой наглядностью эта неадекватность проявилась в социальной политике тэтчеровского периода, в которой господствовал жесткий экономический рационализм, не отводивший подобающего места человеческим качествам и потенциалу.

Достаточно вспомнить, как много в нашем языке слов, обозначающих все разнообразие добродетелей, составляющих основу свободного общества и наших обязательств друг перед другом. Добросердечность, честность, долг, самопожертвование, честь, служение, самодисциплина, терпимость, уважение, справедливость, самосовершенствование, доверие, гражданственность, решимость, смелость, принципиальность, усердие, патриотизм, забота о других, бережливость и почтение – вот лишь некоторые из них. Однако многие из этих слов сегодня редко употребляются в разговорной речи. Для современного человека они обладают разве что обаянием старины, а то и вовсе кажутся полным анахронизмом.

Ведущие выразители тэтчеристской философии неизменно воспринимали «тэтчеровскую революцию» с точки зрения нравственности. Они надеялись оживить в людях качества, которые Ширли Летвин в своей великолепной книге «Анатомия тэтчеризма» называет «активными добродетелями», – опору на собственные силы, энергичность, самостоятельность мышления, тягу к новому, лояльность по отношению к друзьям и стойкость перед лицом врагов⁵. Акцент, который делали представители тэтчеризма на активных добродетелях, имел важнейшее значение для прекращения «изысканного увядания» британской экономики. И сегодня превосходство энергичной рыночной конкуренции над социалистическим планированием признается во всех политических кругах. Однако концепции тэтчеризма не хватает одного важного элемента. В этой книге я постараюсь показать, что это выразилось в недостаточном внимании к «гражданским добродетелям», таким как самопожертвование, долг, солидарность и служение людям.

Более двадцати лет назад, в 1971 году, глава издательского отдела ИЭП Артур Селдон заказал философу Х.Б. Актону книгу «Нравственность рынка»⁶, где анализировались вопросы морали, связанные с конкуренцией. В пылу разгоревшейся позднее борьбы за более глубокое понимание обществом экономических проблем вопросы, поднятые в этой книге, отодвинулись на второй план, но недавно, признавая их непреходящее значение, Фонд свободы (Liberty

⁵ Letwin S. The Anatomy of Thatcherism. London: Fontana, 1992. P. 32–36.

⁶ Acton H.B. The Morals of Markets. London: Longman; IEA, 1971.

Fund) переиздал «Нравственность рынка». «Возвращение в гражданское общество» – попытка развить и уточнить наши идеи относительно нравственных аспектов свободного общества.

Введение

В период правления Маргарет Тэтчер многие опасались, что ее политика приведет к «демонтажу» «государства всеобщего благосостояния». Но на самом деле оно осталось в неприкосновенности, поскольку самые радикальные реформы, предпринятые ее правительством, не предусматривали даже попыток подобного демонтажа. Правительство Тэтчер часто прибегало крыночной риторике в социальной сфере, говоря «сначала выбор пациентов – потом финансирование» или «сначала выбор школы родителями – потом финансирование», но в своей практической деятельности в этой сфере министерства руководствовались весьма ограниченной концепцией «рынка». Реформы Национальной службы здравоохранения, к примеру, привели к возникновению «внутреннего рынка», который мало чем отличался от других программ государственных закупок. Кроме того, правительство Тэтчер исходило из весьма узкого понимания человеческих побуждений. Так, реформы системы образования основывались на чисто потребительской концепции, в рамках которой родители воспринимались как «посторонние», попросту выбирающие ту или иную школу, а не как полноправные участники длительного процесса, позволяющего наделить их детей знаниями, навыками и личными качествами, необходимыми для жизни в свободном, открытом и толерантном обществе.

Экономический рационализм правил бал в 1980-х в первую очередь потому, что мы переживали период идеологического противоборства между двумя системами – капиталистической и социалистической. Конфликт между коллективистской концепцией экономического планирования и рассредоточенным, коммерчески обусловленным принятием решений в рамках конкурентного рынка неизбежно занимал центральное место в общественных дискуссиях послевоенного периода, поскольку мир был разделен на два блока – коммунистический и капиталистический. И центральный тезис идеологов, отстаивавших коммунистическую модель и более «мягкие» формы коллективизма, состоял в том, что экономический базис определяет социальную систему. Таким образом, у оппонентов коллективизма не оставалось другого выбора, кроме как сконцентрировать свои атаки на экономической составляющей коммунистического строя. Однако, привлекая внимание к достоинствам рынка, некоторые поборники свободы упустили из виду традиционный идеал, благодаря которому западная цивилизация на самом деле превосходила коммунистическую модель.

Сегодня, задним числом, мы видим, что эта сосредоточенность на экономике отвлекла наше внимание от глубинных вопросов, с которыми сталкивается любая цивилизация. Рынок способствует росту благосостояния, но «большого ассортимента товаров» недостаточно для создания достойного общества, и способность производить больше товаров – не единственное, что обеспечивает превосходство капитализма над коммунизмом.

В чем же тогда состоит традиционный идеал свободы? Большинство людей назовут британское общество свободным, но что именно мы подразумеваем под этим? Сегодня задача состоит уже не в том, чтобы доказать превосходство рыночной экономики над плановой, а в углублении нашего представления о том комплексе институтов, который делает возможным не только экономическое процветание, но и прогресс во всех сферах человеческой деятельности – будь то искусство, образование, социальное обеспечение, нравственность, религия, служба обществу, добрососедская помощь и все остальное – и который, что не менее важно, обеспечивает разнообразие людских стремлений, не подвергая при этом угрозу свободу и общественный порядок.

Адам Смит отмечал: единство общества обеспечивают только взаимные преимущества, которые получают его члены. Личный интерес не всегда равносителен эгоизму – все равно остается немалый простор для достижения гармоничного согласия. Да и энергия людей, преследующих эгоистические цели, в условиях дисциплинирующей конкуренции чаще всего направля-

ется на службу другим. Однако, как признавал Адам Смит в «Теории нравственных чувств», это еще не все: как и другие первопроходцы классического либерализма, он считал, что жизнь людей должна определяться не только личными интересами, но и долгом – точнее, как выразился Смит, «долгом христианина».

Свобода, которую столь высоко ценил Смит, – не только прагматическая теория, обеспечивающая единство общества, состоящего из людей, движимых личными интересами, но и идеал, побуждающий каждого проявлять свои лучшие качества. Как отмечает Майкл Новак, свободное общество «требуется от индивидов многого именно потому, что они свободны. Красота общества и любовь, которую граждане питают к своей стране, связаны с тем, что она требует от них многого»⁷.

Мыслители, чьи идеи определяли государственную политику в 1980-х годах, воспринимали понятие свободы иначе. Они приняли, по выражению дуайена «чикагской экономической школы» Фрэнка Найта, «крутую позу» – как от огня бежали от любых разговоров об идеалах, добродетелях, благородных побуждениях, считая все это проявлением сентиментальности⁸. Эта группа сторонников жесткого экономического рационализма зачастую воспринимала в штыки любые упоминания о «социальной ответственности» или «моральных обязательствах». Подобные подозрения имели под собой основания, поскольку социалисты нередко маскировали свои властолюбивые устремления «дымовой завесой» разговоров об «общественной» ответственности, под которой они воспринимали «политическую» активность. Однако понятия «общественный» и «политический» – не всегда синонимы. Существует немало видов общественной деятельности, не связанных с политикой, и разнообразие добровольной коллективной активности – один из главных «критериев качества» свободного общества.

Однозначно подозрительное отношение к политическим аргументам в нравственной «упаковке» также нельзя считать полностью ошибочным, поскольку у социалистов нравственным человеком считался не тот, кто не жалеет собственного времени и усилий ради других, а тот, кто требует аналогичных действий от государства – за счет других налогоплательщиков. Подобное политизированное истолкование нравственной ответственности не только не усиливает чувство сопереживания другим, но и подрывает ощущение личной ответственности, на котором, собственно, и основывается этика бескорыстного служения. Однако не каждого, кто выступает за нравственный подход, следует считать «скрытым социалистом», и наша задача сегодня – нащупать то чувство общности или солидарности, которое будет совместимо с принципами свободы. Конкуренция на рынке координирует усилия людей, зачастую движимых личными, даже эгоистическими интересами, но сама по себе она чувства солидарности не порождает. Вопреки точке зрения о том, что «такой вещи, как общество, просто не существует», – эту фразу приписывают г-же Тэтчер – на самом деле общество, конечно, есть. Просто это не синоним государства. Это сфера «действий сообща», которые осуществляются добровольно и в то же время определяются чувством долга по отношению к другим людям и социальной системе, на которую опирается свобода⁹. Сторонники жесткого экономического рационализма, как правило, считают, что координационного воздействия рыночной конкуренции вполне достаточно, однако, как отмечал Адам Смит, для хорошего функционирования общества необходимо нечто большее. Демократия основывается на том, что люди берут на себя личную ответственность за поддержание институтов, нравственности и обычаев, служащих фундаментом свободы.

⁷ Novak M. The New Consensus on Family and Welfare. Washington, American Enterprise Institute, 1987. P. XVI.

⁸ Knight F.H. The sickness of Liberal society // Freedom and Reform. Indianapolis: Liberty Fund, 1982. P. 463.

⁹ В книге «Католическая этика и дух капитализма», вышедшей в 1993 году (Novak M. The Catholic Ethic and the Spirit of Capitalism. Washington: American Enterprise Institute, 1993), Майкл Новак называет такую ориентацию на общее благо «социальной справедливостью», хотя обычно этим понятием обозначается «справедливое распределение».

Традиция такого «общественного» либерализма – не умозрительный утопический идеал; долгие годы – даже в начале XX века – она была неотъемлемой частью свободного общества. Моя книга представляет собой в первую очередь попытку показать отражение этой традиции в повседневной жизни за счет анализа деятельности добровольных социальных институтов, сложившихся под ее влиянием к концу XIX столетия, когда их незавершенную эволюцию оставило «триумфальное шествие» социализма. Чтобы понять характер какого-либо движения, существовавшего в прошлом, следует обращаться не только к трудам его идейных лидеров, но и к действиям простых граждан. Дело в том, что свобода была не только интеллектуальным идеалом, но и ориентиром для простых людей, руководствовавшихся ее ценностями в повседневной жизни. Самым наглядным примером этого явления стала деятельность обществ взаимопомощи – организаций, весьма распространенных и в XIX, и в начале XX века. Одни объединяли подавляющее большинство трудящихся, намного превосходя по охвату другие организации, характерные для рабочего класса, – профсоюзы и кооперативные общества. Так, в 1910 году в британских обществах взаимопомощи числилось 6,6 миллиона членов, а в официально зарегистрированных профсоюзах – 2,5 миллиона, столько же – в кооперативных ассоциациях¹⁰.

Общества взаимопомощи представляют особый интерес и по двум другим причинам. Во-первых, результаты их деятельности противоречат бытующему сегодня мнению о том, что рыночно ориентированное общество, наилучшим образом обеспечивая экономическое процветание, в то же время не может обеспечить гражданам адекватную медицинскую и социальную помощь. Как показано в главах 3-10, историческая действительность прямо противоположна нынешним представлениям о социальном обеспечении до появления «государства всеобщего благосостояния».

Во-вторых, опыт обществ взаимопомощи свидетельствует о том, что мы недооцениваем масштабы «вытесняющего» воздействия «государства всеобщего благосостояния». Например, правительство Тэтчер считало адекватным способом устранения дефектов службы здравоохранения проведение конкурентных тендеров в рамках все той же государственной системы. Однако это стало результатом непонимания подлинного характера свободного общества. Рыночная конкуренция – необходимое, но недостаточное условие для свободы. «Государство всеобщего благосостояния» не только разрушает систему стимулов конкурентного рынка, но и подавляет те институты, которые позволяли мужчинам и женщинам проявить свою душевную щедрость, были прибежищем идеализма, служения другим и самореализации. Поэтому нам необходимо найти способы вдохнуть новую жизнь в «гражданское общество». В последней главе содержатся конкретные соображения о том, как эта задача может быть выполнена.

Отчасти из-за отсутствия «готового» определения, а отчасти для контраста с традицией, которую я назвал «жестким экономическим рационализмом», я предложил бы для обозначения совокупности рекомендуемых мною тезисов, основополагающих принципов, убеждений и поведения термин «гражданственный капитализм» (*civic capitalism*)¹¹. Он означает поддержку рыночной конкуренции в экономических вопросах в сочетании с признанием того факта, что свободное общество, достойное называться таковым, основывается также на гражданском долге – т. е. разделяемой всеми этике личной ответственности за благосостояние ближнего. Наша задача – сформировать и поддерживать подобную этику взаимного уважения, лишь в минимальной степени прибегая к политическим мерам; сегодня в этой сфере мы наблюдаем серьезные искажения, связанные с неразумной фракционностью современного многопартийного политического процесса.

¹⁰ *Beveridge, lord. Voluntary Action. London: Allen & Unwin, 1948. P. 92, 328* (данные о членах профсоюзов приводятся за 1912 год; более подробные сведения о членстве в обществах взаимопомощи см.: *Ibid. P. 42*); *Johnson P. Saving and Spending: The Working Class Economy in Britain, 1870–1939. Oxford: Clarendon Press, 1985. P. 76–77.*

¹¹ Хочу выразить признательность Майклу Новаку, который предложил мне этот термин.

Часть I

Идеал свободы

Глава 1

Институты, составляющие фундамент свободы

В настоящей главе рассматриваются проблемы, волновавшие создателей концепции гражданского капитализма, в первую очередь их основополагающие гипотезы о природе человека и институтах, которым они придавали особое значение.

Я не пытаюсь охарактеризовать все идейные течения, которые в разное время называли либеральными: моя цель состоит в том, чтобы проследить одну конкретную традицию либеральной мысли, которую удачнее всего, пожалуй, описал Майкл Оукшот. В ее основе лежит не некая единственная идея, а целый комплекс взаимосвязанных институтов и побуждений индивидов. Здесь и антипатия к чрезмерному сосредоточению власти – будь то в руках государства или любой другой организации; поддержка демократической формы правления, но с ограниченными полномочиями, отчасти для того, чтобы не допустить появления слишком могущественных лидеров, но отчасти и из уважения к достоинству личности; и мощное чувство социальной солидарности, основанное на осознании того факта, что для функционирования общественной системы необходимо, чтобы каждый вносил свою лепту в поддержание климата взаимного уважения и учета интересов других, принимая на себя моральные обязательства, вытекающие из иудеохристианской традиции. Корни этого научного течения можно проследить вплоть до XIII века, однако его современное воплощение можно найти в работах Локка в XVII веке, Смита – в XVIII, Актона и Токвиля – в XIX, Оукшота, Хайека и Майкла Новака – в XX.

Суть свободы

Как отмечает Майкл Оукшот, человек приходит к поддержке свободы не в результате выработки ее абстрактного определения, которое потом он сравнивает с реальной жизнью, подобно инженеру, который прикладывает шаблон к куску металла. Скорее это происходит потому, что он считает правильным какой-то конкретный образ жизни. Таким образом, цель изучения сущности свободы – не в том, чтобы найти ее конкретное определение, а в том, чтобы выяснить то, «что же именно есть хорошего в этом образе жизни, что враждебно этому образу жизни и каковы условия оптимальной реализации этого образа жизни»¹². Такого же подхода придерживается и Ф.А. Хайек, стремившийся не сформулировать определение свободы, а понять, в чем состоит ценность свободы, которой наслаждаются народы Запада.

Тогда возникает вопрос: какие характеристики Британии сделали ее свободной страной? Во-первых, если Оукшот прав, мы не в состоянии составить список институтов, из которых складывается свобода. Отдельные права можно выделить, но свобода в том виде, как она была известна нашим предкам, состоит не из конкретных прав, законов и институтов, а из ряда взаимно подкрепляющих друг друга свобод:

Свобода не является следствием ни отделения церкви от государства, ни господства закона, ни частной собственности, ни парламентской формы

¹² *Oakeshott M. The political economy of freedom // Oakeshott M. Rationalism in Politics and Other Essays / 2nd ed. Indianapolis: Liberty Press, 1991. P. 387 [Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002. С. 93].*

правления, ни закона *habeas corpus*, ни независимости суда – ни вообще какого-либо из тысячи учреждений и установлений, свойственных нашему обществу; свобода есть следствие существования их всех, а именно, она есть следствие отсутствия в нашем обществе центров всеподавляющей концентрации власти.

По мнению Оукшота, отсутствие концентрации власти и является главной характеристикой свободы, характеристикой, которой подчинены все остальные. Во-первых, власть разделена между прошлым, настоящим и будущим:

О таком обществе, над которым полностью господствует либо его прошлое, либо его настоящее, либо его будущее, мы сказали бы, что оно страдает от деспотизма суеверии, а это несовместимо со свободой. Политика нашего общества подобна беседе, в которой участвует и прошлое, и настоящее, и будущее; и хотя в каждый отдельный момент может преобладать то одно, то другое, постоянно доминировать ни одно, ни другое, ни третье не может, благодаря чему мы и являемся свободными¹³.

Во-вторых, власть «раздроблена» между организациями и групповыми интересами, составляющими общество:

Мы не боимся разнообразия интересов и не стремимся уничтожить это разнообразие, и если власть рассредоточена между ними не полностью, мы считаем нашу свободу несовершенной; а если какое-то заинтересованное лицо или группа заинтересованных лиц, пусть даже составляющих большинство, обретает чрезвычайную власть, мы считаем, что тем самым свобода становится под угрозой¹⁴.

По сути, таким образом, мы считаем себя свободными потому, что «никто в нашем обществе не получает неограниченной власти – ни лидер, ни фракция, ни партия, ни „класс“, ни большинство, ни правительство, ни церковь, ни корпорация, ни торговые или профессиональные организации, ни профсоюзы». Секрет нашей свободы заключается в том, что наше общество «состоит из множества организаций, и структуры лучших из них воспроизводят то самое рассредоточение власти, которое характерно для общества в целом»¹⁵. Общества взаимопомощи, и особенно разветвленные «ордена», которые мы описываем в главах 3–7, представляли собой именно такие организации.

Наследие Средневековья

Если Оукшот прав, называя отсутствие чрезмерной концентрации власти сущностью свободы, то как мы объясним специфику британского государства? По мнению Оукшота, понять характер современных европейских государств лучше всего позволяет тот факт, что они разрываются между двумя взаимно противоречивыми методами объединения, доставшимися Европе в наследство от Средних веков. Первый тип он называет «гражданской ассоциацией», а второй – «предприятием» или «целевой ассоциацией».

«Ассоциация-предприятие» состоит из людей, объединенных общим интересом или целью. В чистом виде у такой ассоциации существует даже не несколько, а одна-единственная основополагающая цель. Задача лидеров – руководить осуществлением этой цели и соответствующим образом направлять действия индивидов. Страна может состоять из множества

¹³ Ibid. P. 388 [Там же. С. 94].

¹⁴ Ibid [Там же].

¹⁵ Ibid. P. 388–389 [Там же. С. 95].

таких ассоциаций-предприятий, включая деловые корпорации, но нас сейчас волнует случай, когда такой характер принимает само государство.

В государстве – гражданской ассоциации люди связаны друг с другом не конкретной общей целью или совместным выполнением определенной задачи, но тем, что они признают авторитет правовой системы, в рамках которой они живут. Уважение к власти закона не означает, что каждый человек поддерживает все действующие законы. Закон – явление изменчивое, и потому в рамках гражданской ассоциации уважением пользуются как действующее законодательство, так и процесс его реформирования.

В законах оговариваются условия, на которые соглашаются все члены общества, но каждый из них при этом следует собственному, лично выбранному образу жизни. Таким образом, ассоциация подобного типа – это система права и юрисдикции. Люди объединены не одинаковыми конкретными стремлениями, а тем, что, преследуя собственные цели наиболее целесообразным для себя способом, они при этом принимают одни и те же условия¹⁶. Каждый из них обязуется вести себя по справедливости по отношению к другим и пользуется равным статусом перед законом. Важнейшее значение имеет характер законов. И в рамках ассоциации-предприятия, и в рамках гражданской ассоциации люди подчиняются правилам поведения, но в случае с ассоциацией-предприятием эти правила подчинены осуществлению общей цели. Если же речь идет о гражданской ассоциации в чистом виде, то законы здесь представляют собой положения нравственного порядка, а не практические указания¹⁷.

В рамках гражданской ассоциации солидарность народа и легитимность власти обуславливаются общим ощущением, что социальный строй дает каждому шанс преуспеть в выбранной им сфере жизни, а также пониманием обществом того факта, что сохранение свободы невозможно, если каждый не будет вносить в это свой вклад. В рамках ассоциации-предприятия, однако, ощущение солидарности основано на убежденности, что каждый член общества представляет собой элемент единой грандиозной схемы – на практике призванной либо модернизировать страну, либо развивать ее ресурсы, либо придать характеру человека новую направленность. Таким образом, в стране, организованной по типу ассоциации-предприятия, индивиды являются инструментами государства, а в рамках гражданской ассоциации государство представляет собой инструмент народа, задача которого – содержать в должном порядке институты, позволяющие людям следовать выбранным ими идеалам.

Оукшот определяет оба типа ассоциации как продукты мышления и практики, сложившихся в период Средневековья. Ассоциация-предприятие примерно соответствует понятию «владения», а гражданская ассоциация – понятию «правления». В Средние века короли были владельцами своих доменов или уделов, а значит, хозяевами своих подданных. Таким образом, королевская власть в эпоху владения представляла собой управление вотчиной. Король, по сути, являлся помещиком.

По мнению Оукшота, в континентальной Европе к XV веку «хозяева» формирующихся государств постепенно превращались в правителей¹⁸. В качестве правителя король был хранителем законов и осуществлял правосудие, а подданные такого сюзерена могли без помех заниматься собственными делами, пока повиновались закону. В Британии формирование подобной системы уже в XIII веке подмечали такие авторы, как Генри Брактон – судья и староста приходжан Эксетерского собора, составивший первый систематический обзор английских законов и обычаев. На континенте к тем державам, о которых говорит Оукшот, относились Австрия, Бранденбург-Пруссия, Бавария, Саксония, Вюртемберг и Вестфалия, чьи правители превра-

¹⁶ *Oakeshott M.* On Human Conduct. Oxford: Clarendon Press, 1975. P. 313–314.

¹⁷ *Ibid.* P. 318.

¹⁸ *Ibid.* P. 212.

тились из хозяев людей и территорий в королей суверенных государств и подданных¹⁹. Эти формирующиеся государства уже не представляли собой «поместья» или чисто военные объединения – скорее это были правовые ассоциации. Правитель такого королевства не был ни сеньором – господином и владельцем вотчины, ни военным вождем, ни лицом, стремящимся осуществлять неконкретизированную нравственную, «отеческую» опеку над жизнью, деятельностью и состоянием своего народа: он был правителем подданных... чья должность состояла в выполнении определенных общественных обязанностей, отличавшихся (хотя и нечетко) от его личных стремлений²⁰.

Государство, которым история наделила народы современной Европы, стало продуктом неурегулированной напряженности между этими двумя непримиримыми явлениями – владением (ассоциацией-предприятием) и правлением (гражданской ассоциацией).

В XX веке мы можем узнать в тоталитаризме современный эквивалент ассоциации-предприятия, а в классическом либерализме – спутника гражданской ассоциации. Пользуясь терминологией Оукшота, можно определить характер развития западных демократий, особенно Британии, в XX столетии как неуклонную эволюцию от гражданской ассоциации к ассоциации-предприятию. Для сторонников классического либерализма из этих двух моделей предпочтительнее гражданская ассоциация, но это не означает, что ассоциация-предприятие непременно плоха. Гражданская ассоциация может временно превращаться в ассоциацию-предприятие, как это произошло с западными демократиями в годы Второй мировой войны.

Практические проблемы, заботившие либералов в XVII веке

В Англии либерализм в его современном понимании стал преобладающим течением философской мысли в XVII веке – в ходе борьбы между короной и парламентом²¹. Защитники свободы утверждали, что, отстаивая божественное право королей, монархи из династии Стюартов нарушали традицию свободы в рамках закона, считавшуюся врожденной привилегией англичан самое позднее с XII века. Подданные английской короны, отмечали парламентарии, имеют право на то, чтобы ими управляли по закону, а не по прихоти короля.

Эти идеи пересекли Атлантику и укоренились в Америке, где они вдохновляли борьбу за независимость и Конституцию США. Похожие движения, противостоявшие абсолютным монархам, возникли также в Германии и Франции.

В XVII веке могущество государства в лице короля и официальной церкви рассматривалось как препятствие, мешавшее человеку самостоятельно определять свою жизнь. Либерализм возник в качестве реакции на такое положение вещей, на стремление людей освободиться от пут, сковывавших экономическую, политическую деятельность, право на религиозные убеждения и творческую мысль. Либералы хотели покончить с преследованием за веру, утвердить свободу совести, мысли и самовыражения. Многие шли еще дальше, требуя, чтобы между человеком и Писанием не стояли официально назначенные «толкователи», и отрицая необходимость посредников между людьми и Богом. Некоторые предпочитали выбирать священников голосованием на собраниях прихожан.

Либералы считали, что человек не должен бояться преступников, и требовали, чтобы государство защищало от них подданных. В то же время, понимая, что эта функция защитника легко может стать источником злоупотреблений, они выступали за резкое ограничение

¹⁹ Ibid. P. 227.

²⁰ Ibid. P. 212.

²¹ Алан Макфарлейн в своей книге «Происхождение английского индивидуализма» убедительно раскрывает происхождение индивидуализма, однако не находит свидетельств о том, что понятие свободы господствовало в этических представлениях до XVII века (Macfarlane A. The Origins of English Individualism. Oxford: Blackwell, 1978).

полномочий государства. Поэтому они добивались равенства всех перед законом и независимости судов как от законодательной, так и от исполнительной ветви власти. Либералы отстаивали полную свободу передвижения и смены места работы, чтобы каждый человек и каждая семья могли найти свою нишу. Они стремились к утверждению свободного обмена товарами и услугами по взаимно согласованным ценам, беспрепятственного кредитования и накопления капитала. Они хотели, чтобы каждый имел право владеть собственностью и распоряжаться ею по своему усмотрению. Наконец, они старались покончить с практикой предоставления королем монополий отдельным деловым структурам в обмен на денежные платежи. По одной из оценок, в 1621 году количество подобных королевских монополий достигло 700 – это приводило к вздуванию цен на такие товары первой необходимости, как свечи, уголь, мыло, кожа, соль и перец²². В качестве выхода либералы предлагали потребовать от короля покончить с изданием законов, ставящих в привилегированное положение (или дискриминирующих) конкретных, известных всем людей или группы.

Если верить лорду Актону, главным фактором, обусловившим возникновение либерализма, стало стремление к свободе вероисповедания. Именно оно, по его словам, было «самым глубинным течением» в годы Английской революции 1641 года и «самым сильным побуждением» Славной революции 1688-го. Люди поняли, что религиозной свободы можно добиться, лишь урезав власть государства. Актон писал: эта важнейшая политическая идея,

освящающая свободу и посвящающая ее Богу, внушающая людям, что необходимо дорожить свободами других как своими собственными и защищать их скорее во имя любви к справедливости и милосердию, чем во имя осуществления одного из человеческих прав, – эта мысль стала душой всего доброго и великого, что дал человечеству прогресс последних двух столетий²³.

Подобная антипатия к чрезмерному могуществу государства, возникшая в XVII веке, развивалась по двум направлениям, между которыми не всегда можно было провести четкое различие. Первое из них, которое я назвал «гражданственным капитализмом», надеясь избежать путаницы с другими похожими концепциями, можно охарактеризовать как попытки не позволить монарху вернуть к жизни принцип «владения» (в терминах Оукшота). Идеал сторонников гражданственного капитализма – нация, объединенная по принципу гражданской ассоциации, а не служащая инструментом воли короля. Подобная антипатия к королю основывалась на укоренившейся еще в XIII веке убежденности в том, что англичане-подданные находятся под властью правителя, а не хозяина, а закон представляет собой нравственный и практический кодекс существования, которым никому, и уж точно ни одному королю, не позволено пренебрегать. Стюартов рассматривали как узурпаторов, покушающихся на многовековые права подданных. Классический либерализм, таким образом, предусматривал уважение к историческим традициям. Его сторонники считали необходимым сохранять основы английской цивилизации.

²² Hill C. The Century of Revolution, 1603–1714. London: Sphere, 1969. P. 38.

²³ Acton J. The History of Freedom and Other Essays. London: Macmillan, 1907. P. 52 [Актон, лорд. Очерки становления свободы. London, 1992. С. 93].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.